

Գր. Կալանյան
Действ. член АН Арм. ССР

К происхождению армянского языка

В в е д е н и е

Изучение какого-либо языка, если он имеет письменное прошлое, совершается в своих отдельных исторических периодах (фазах), а затем во всех этих периодах, вместе взятых, начиная с древнейшего письменного и до последнего живого состояния этого языка и диалектов. В первом случае объект исследования ограничен в своем времени и подвержен как бы методу статического описания во всех своих фактах. Во втором же случае рамки для обследования языковых материалов весьма раздвигаются, обнимая периоды даже тысячелетий. Здесь сравнительным методом изучается древний письменный период с последующим, а этот с более новым и т. д., выводится их общее и различие, влияния диалектов, иностранных языков, нововведений и т. п. Такой методический подход нам дает возможность воссоздать историческую „грамматику“ данного языка, начиная с первых его письменных документов.

Но есть возможность для некоторого проникновения исследовательской мысли и в дописьменный период или периоды развития данного языка, когда из древнейших родоплеменных языковых истоков начинается как бы синтетически накапливаться новый народный язык с начальным возобладанием одного, а иногда и нескольких языков, что бывает реже. Такое заглядывание пытливой языковедческой мысли далеко за письменный период изучаемого языка несомненно даст нам меньше материалов и сравнительно имеет более теоретический характер, чем данные из материалов данного языка в его дописьменный период. Сравнительный метод, применяемый для изучения и для письменного, и для дописьменного состояния данного языка, для этого последнего случая является как бы единственным возможным методом. Тут мы берем древнейший письменный вид данного языка с его грамматикой, лексикой и фонетикой и сравниваем с теми языками, которые бытовали в его окружении, или с теми языками, которые могли оказаться в далеких географических широтах, будучи „родственными“ и имея более древнее письменное состояние.

Сравнительный метод изучения дописьменных состояний (или состояний) данного языка, хотя и является ограниченным и несовершенным, тем не менее он нам дает некоторые достижения, которые вполне реальны и зачастую позже оправдываются новыми находка-

ми, а, следовательно, вполне оправдывает себя и пока единственен в своем применении. Конечно такое сравнение совершается на строгих фонетических закономерностях, а не преднамеренно и произвольно, когда пренебрегают временами, исторически возможными связями и языковыми инвентарями в систематике изучаемых языков, фетишизируя даже современное звуковое состояние, умозрительно деля язык на элементы, стадии и т. п., из-за всеобщего в языках не видя конкретную жизнь данного языка в его историческом бытовании, окружении, условиях и т. п.

Во стократ был прав Фр. Энгельс, когда заострял внимание на конкретно-историческом развитии языков (а за „историчность“ он даже хвалил индоевропействов-лингвистов) и в своем „Анти-Дюринге“ говорил: „Материя и форма родного языка только тогда могут быть понятыми, когда прослеживают его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставить без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки“.¹ Отсюда ясно, что в этом сравнительном изучении родственных языков, т. е. в применении сравнительного метода изучения для близких (родственных), а я бы сказал и для неблизких (неродственных) языков, Ф. Энгельс не видел ничего специфически буржуазно-концептуального, что так часто декламировалось некоторыми любителями общего языкознания.

Наконец, что касается понятия „родственности“ языков, на что также любят косо зариться, то нужно предварить здесь, что, во-первых, между двумя и более языками могут действительно установиться общие элементы (слова и отчасти частицы) и не только искони, т. е. в период исторического взаимообщения, смешения или родоплеменной взаимопроникновенности этих языков, как новых этнокультурных качеств, но и как позднее заимствование, начиная с этих древних и более поздних эпох. Эти заимствования также имеют ценность, но скорее в порядке установления влияния более сильных культурных соседей, чем для определения генезиса языка данного народа, если, конечно, этот язык целиком не заимствован. Во-вторых, родственность между двумя и более языками может быть близкая и дальняя, смотря по количеству и характеру наличных их общих элементов (корней, частиц). Так, например, русский язык, как славянский, более родственен с украинским и белорусским, чем с польским или чехословацким, не говоря о южных славянских языках (болгарском, сербо-хорватском и пр.). Все же эти три группировки славянских языков вместе имеют большую близость к балтийским (литовскому, латышскому и вымершему прусскому), чем к германскому, кельтскому, латинскому, греческому, индо-иранскому и др., которые вместе с этими балто-славянскими языками составляют индоевропейскую большую группу родственных языков. Так обстоят

¹ См. Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, изд. 6-ое, Москва, стр. 233.

дело и в других родственных языках (семитических, урало-алтайских, угро-финских и пр.). Термин „родство“ языков фигурирует и у К. Маркса и Ф. Энгельса, а последний написал даже маленькую работу о генетическом состоянии франкского диалекта среди прочих германских диалектов и языков. Естественно, нужно отметить неприятные учеными (даже буржуазными) те ненаучные попытки или презумпции, что язык может иметь связь с расой или происхождением (с цветом кожи, с содержанием крови...). Урало-алтайские болгары позже стали говорить на Балканах на славянском языке, евреи у Махач-Калы говорят на отменном иранском диалекте и т. д., и т. п., а армяне и в расовом, и в языковом отношении имеют весьма сложный генезис, выступающий, главным образом, на этно-культурном субстрате древней Малой Азии.

Генетическое содержание армянского языка

Приступая к схематическому изложению генетического содержания армянского языка, т. е. совокупности его генетически выявленных элементов (слов-корней, частиц, звуков, техничеки-формальных приемов и пр.), считаю нужным вначале вкратце предварить историю такого генетического изучения интересующего нас вопроса. Оставляя фантастические бредни некоторых ревностных армян о первородности армянского языка, как божественного дара после потопа, а также некоторых европейских „ученых“ о родстве армянского языка с турецкими (т. е. урало-алтайскими), остановлюсь только на четырех теориях, отражающих последующий прогресс в изучении генезиса армянского языка в связи с позднейшими достижениями и открытиями.

Первая концепция, выдвинутая Петерманом, Виндишманом, Гоше, Фр. Мюллером и Делагардом, состоит в том, что армянский—индоевропейский язык и принадлежит к иранской подгруппе. Эта точка зрения в корне ошибочна, потому что те слова армянского языка, которые имеют иранский (персидский) облик, оказались все заимствованными, числом до 1405, и указанные ученые не сумели отделить их от чисто армянских корней, грамматических норм и фонетических закономерностей.

Вторая точка зрения, выдвинутая Гюбшманом, оказалась более передовой, рассматривала вышеназванные иранизмы как чистые заимствованные, а другие индоевропейские лексические и грамматические элементы как вклад особой индоевропейской группы или ветви, являвшейся вполне самостоятельной. Некоторые хотели в эту родственную с армянским группу включить и фрако-фригийские языки, поскольку греческие писатели (Геродот, Евдокс и др.) подчеркивали родство этих двух народов или языков. Но такое предположение, судя по наличным данным фракийского и фригийского языков, совсем не оправдалось и сейчас не признается Гарагашяном, Ташяном, Марквартом, Ачаряном и другими.¹ Установление отсутствия такого родства между фрако-фригийским и армянским осталось не отмеченным в книге акад. Я. Манандяна „Критический обзор истории армянского народа“ (стр. 12—16). Недоказуема также родственная связь индоевропейских элементов армянского языка с древнейшими иллирийскими языками Балканского полуострова, вследствие

¹ См. У Ачаряна *Ист. арм. яз.*, стр. 131—133.

недостаточности материала. Такого мнения придерживался и А. Мейе, хотя Маркварт подчеркивал родство арм. *mapr* „мелкий“ и *suip* „штык“ с иллирийскими словами *mapu* и *sibupa* с теми же значениями. По теории сторонников индоевропейского характера армянского языка „армены“ являются эмигрантами из блаженной индоевропейской прародины, переселились через Балканы в Малую Азию по северному черноморскому берегу, где есть несколько топонимических имен, связуемых с термином „армен“, затем передвинулись в Малую Армению, а позже завоевали и территорию государства Урарту, смешавшись с местными народами, вследствие чего и армянский индоевропейский язык подвергся сильному влиянию этих местных языков. Следовательно, эти древнейшие языковые материалы хаясцев, балайцев, хеттов, хурритов и др. являются такими же заимствованиями, как слова, позже взятые из сирийского, греческого, персидского и других языков.

Третья теория по генезису армянского языка принадлежит моему покойному учителю Н. Марру, который уже к 1903 году сумел оформить свое научное отношение к этому генезису, основываясь на лексических и некоторых грамматических встречах между армянским и грузинским. Это Марр считал в армянском не заимствованиями, как трактовали такие неиндоевропейские элементы Гюбшман, Мейе, Ачарян и другие. В своей „Грамматике др.-арм. языка“ (Петерб., 1903, стр. XXXI) Н. Марр говорил: „Одно выступает ясно: он [арм. язык] весьма характерный образчик мешаного языка. Речь, конечно, не о богатой примеси в нем явно заимствованных слов, легко выделяемых и в значительной степени уже выделенных. Я имею в виду ядро реального армянского языка, возникшего на почве исторической Армении. Само ядро „двуродное“. Н. Марр продолжал на этой точке зрения стоять и позднее, издавая даже серию своих этимологических изысканий армянского корнеслова на данных „яфетических“ языков (см. его „Яфетические элементы арм. языка“, I—XII). Несомненно, подход Н. Марра был правилен, хотя не все его этимологии нужно принять. „Яфетические“ его языки в начале были как бы количественно ограничены со включением грузинских и других кавказских языков, местного (не индоевропейского) слоя армянского языка, а также урартского и некоторых других, и находились мол в дальнейшей генеалогической связи с семитическими и хамитяческими, как ветвями „ноэтического“ праязыка. Это походило, конечно, на концепцию индоевропейских лингвистов с их праязыком, прародиной и пр. Если бы такой подход Н. Марра развился с учетом генеалогических конкретных проблем, как фактической общности, то тут можно было бы использовать некоторое его здоровое историческое зерно. Но когда Н. Марр в круг „яфетических“ языков начал вводить языки, ничего общего между собою не имевшие, например, языки не только этрусков, басков, вершиков (на Памире), эламитов, всех кавказских аборигенов и пр., и пр., но и доистори-

ческие языки Афревозии, и когда позже, отказавшись от генеалогического ограниченного учета языковых связей, стал *только и только* на морфологическо-стадиальной универсальности с так называемыми четырьмя вездесущими фонетико-морфологическими всезначущими элементами, и ими обусловленной „палеонтологией“, то, понятно, он тем самым отказался от бывшей своей концепции насчет генеалогической группировки или классификации языков, а тем самым и от яфетической ветви ограниченного числа языков. Единый глоттогонический процесс, но, конечно, без „элементов“, не исключает, а основывается на выявлении конкретных исторических закономерностей, идеологии, конкретно-исторических взаимоотношений данных групп языков в их особых условиях, генетических-родственных связях, особых формальных и лексических данных и пр.; генетическое существо армянского языка не может быть трактуемо умозрительно, основываясь особенно на формальной типизации языков („аморфные“, „агглютинативные“, „флективные“), а на конкретных исторических данных.

Наконец, новую установку генезиса армянского языка, которая по характеру приближается к первой концепции Н. Марра, предлагаю я, хотя подробного и окончательного изложения еще не завершил. Здесь мной дается суммарный и схематический набросок, не считая некоторых описаний армено-урартского и армено-хеттских языковых взаимоотношений, данных мной в других моих работах. Надеюсь все это собрать и восполнить в работе под названием „Древний период истории армянского языка“. Подробно и обстоятельно изучив генезис армянского языка на данных этнокультурного и языкового субстрата древней Малой Азии, поскольку это выявляется по последним данным урартского, хеттского, хурритского и других малоазийских („азнических“) языков, я пришел пока к тому заключению, что армянский язык своим преобладающим генетическим содержанием стоит в середине между хурро-урартским, хетто-луиским и грузино-балайским языковыми группами этих азианческих языков, куда входят по новейшим изысканиям также ликийский, лидийский и этрусский языки.¹ Нужно иметь в виду, что грузинский—главным образом кавказский (южно-кавказский) и родственен с вымершим албанским и современными живыми языками Северного Кавказа (черкесский, убыхский, абхазский, чечено-ингушский и языки Дагестана), хотя одной слабой ногой стоит и на почве малоазийских языков. Армянский же сильно насыщен индоевропейскими языковыми элемен-

¹ С ликийским и лидийским языками армянский связывается суффиксом *-aci* или *-aci* для определения происхождения. Ср. ликийс. *Surlezi* „свиред“ (арм. *siñaci*), лидийс. *spatazi* „спартанец“ (арм. *spataci*) и пр. Ср. также англ. *pet*, что вопросительно переводят через „сестра“ и арм. *պէր* *pet* „невесты двух братьев“ в отношении друг друга.

тами, придающими этому языку на вид смешанный генетический характер.

• •

Генетические элементы армянского языка

Чтобы получить точное, хотя и общее впечатление о генетическом существе армянского языка, в противоположность претенциозной индоевропейской концепции, считаю нужным проанализировать те три возможные стороны генезиса армянского языка, которые в совокупности и определяют его генетическое существо или содержание. Эти три генетические стороны следующие: стаднально-палеонтологическая, формально-техническая и языково-матерьяальная, иначе говоря, инвентарная (корни, частицы). Конечно, каждая такая сторона не с одинаковой полнотой может быть рассмотрена.

1. Стаднально-палеонтологическая сторона

Эту сторону можно было бы назвать и содержательной или концептуальной. Ее выявление в стадии исторического мышления и идеологии может иметь не только обще-лингвистическое значение и ценность, но и конкретно историческое значение для определения сравнительной связи армянского языка с другими древними языками, имевшими то или иное отношение и связь с армянским. Так что эта языковая концептуальная сторона становится тем самым сравнительно-языковым фактором или средством, подобно формально-технической и инвентарной (корни, частицы) сторонам.

Здесь мы можем взять, напр., значение тех не заимствованных слов, которые относятся к средствам производства, к металлам, домашней утвари, прядению-шитью, цветам, скотоводству, земледелию, охотничеству, семейным или родовым отношениям и т. п. Все это может дать некоторое представление о быте и культуре до-армян и самих армян, а в известной части относится и к соседям как к компонентным племенным или этническим источникам образования армянского народа. А это, несомненно, отражается и на генезисе самого армянского языка, факты которого в своем возникновении и развитии не могут быть всецело поняты без этого матерьяльно-бытового общего субстрата древней Малой Азии и Урарту.

Затем, если взять чисто лингвистические сравниваемые элементы, то в этой концептуальной стороне языка я бы подчеркнул, например, состояние эволюции так называемых грамматических (морфологических) категорий, напр., числа и рода. Древнеармянский язык не имел двойственного числа, хотя некоторые усматривают в армянских диалектах такое наличие дв. числа с суф.-wl (ačwl „глаза“, otwl „ноги“, dzełwl „руки“, элkhwl „брови“...), и в этом отношении армянский отходит от системы семитических и индоевропейских язы-

ков, где имеется это двойственное число. В урартском, хеттском и, вероятно, хурритском не замечено пока наличие двойственного числа. Его нет и в грузинском. Также обстоит положение и с категорией рода, хотя его слабые пережитки сохранились в хеттском.

Далее я бы подчеркнул наличие местоименных энклитик (частид), наряду с самостоятельными местоимениями, что как будто свидетельствует, как пережиток, о двух формах синтагматики (синтетическом и аналитическом), как вероятном отображении более старого конкретного мышления или точнее переходе от одного к другому. Ср., напр., арм. *tup-s* и *im lup* с одинаковым значением „мой дом“. Но эти местоименные частицы имеют в древне-армянском не только личное, указательное и притяжательное значение при соединении с существительными (ср. арм. *haug-s* „я отец“, „этот отец“, „мой (наш) отец“), подобно самостоятельным местоимениям, но и указывают при аффиксации с глаголом на отношение действия к объекту, не говоря о субъективных частицах, наличных в глаголах и других языках (семитических, индо-евр., урало-алтайских и др.). По суффиксированию местоименных энклитик с существительным и прочими именами армянский язык примыкает к малоазийским и семитическим. Грузинский же не применяет этого явления, чем резко отличается от них. Ср., напр., хетт. *Kišri-mi* „(в)моей (-mi) руке (*kišri*)“; урартс. *ebani-ukie* „стране моей“, равнозначущее по конструкции арм. *erkri-s*; ур. *Xaldis-me* „Халд-мне“ (при самостоятельном *šuki* „мне“), хурр. *šeni-wuš* „брат-мой“¹; семитич. (аккад.) *abu-ka* „отца-твой“, *kudurr-i* „пределы мои“ и пр. Местоименные энклитики также суффиксируются в глаголе этих языков: хеттс. *kuenzi-uš* „убивает-их“, *urri-warat-mi* „пошли-то-мне“, урартс. *agu-me* (из *agup-me*) „он дал мне“ (но *šuki Xaldiše ubardu dupi* „мне Халд повеление сделал“ с самостоятельным или акцентированным *šuki* „мне“), семитич. (арабск.) *katala-hi* „он убил его“ и т. д. Армянский и в этом случае примыкает к азиантическим и семитическим: *or grega-w-p* „то (-п), что написано было“ (=написанное), *z-or asemkh-s* „то, что говорим здесь (-s)“, *or phorphoxip ew šarži ēā ēakan* „то (-п), что (or) меняется и двигается — не существенно“ и т. п. Грузинский же применяет в глаголе местоименные энклитики только в начале глагола после субъектных частиц: *w-s-cek cignsa* „я (v-) ты (-s) пишу книгу“, а, следовательно, и этим отделяется от малоазийских (азиянтических), как и семитических. В индоевропейских же языках вообще нет местоименных энклитик, ни при именах, ни при глаголе и, следовательно, армянский в этом важном формально-структурном, как и стадийно-палеонтологическом конкретном случае, примыкает к азиантическим языкам.

Наконец, я бы хотел обратить внимание еще на одно конструк-

¹ Ср., напр., хурритское: *zalamši šinniperuḫe šeni-wuš arien* „одно изображение из слововой кости мой брат даст“.

тивно-концептуальное явление, сближающее древнеармянский язык с азианическим. Это своего рода конгруэнция, когда несогласованное определение вместо нормального родительного падежа ставится в падеже определяемого имени. В хеттском такой случай известен, напр., в конгруэнции этого родительного с винительным падежом прямого дополнения (Gilgamešan alaman šampar „Гильгамеша статуя сделали“ вместо Gilgamešaš, т. е. род. пад.).¹ В урартском имеется „я помолился богам (DINGIR^{pl}-ašle) Биайны (Biaipaašte, вместо ожидаемого род. п. мн. ч. Biaipnaue). Ср. подобное явление в др.-армянском srtlw barkutheamb „сердцем гнева“, т. е. разгневанным сердцем, вместо ожидаемого srtlw barkuthean с нормальным barkuthean в род. падеже, но это несогласованное определение (в род. п.) переключает свою форму в форму творительного падежа слова srtlw (от слова sirt „сердце“), т. е. определяемого им слова. Древне-грузинский язык также имел подобное явление, но с удержанием определителя как своей формы род. падежа, так и формы определяемого, чем и отличается от языков азианической группы, в том числе и армянского. Напр. peba-y tamisa žemisa zežathalsay „воля отца моего небес“ (небесного), где последнее слово zesa „небо“ при форме род. п. мн. ч. zežatha „небес“ присовокупляет также форму своего управителя в род. п. ед. ч. tamisa žemisa „отца моего“, а далее и знак „у“ определенного имен. п. слова pebaу от peba „воля“.²

Имея все вышесказанное в виду, определенно можно сказать, что армянский язык своими многими типологически-конструктивными и стадильно-идеологическими проявлениями или свойствами несомненно роднится с древними малоазийскими (азианическими) языками, а не с индоевропейскими.

2. Техника словообразования и словоотношения

Для анализа генетического состояния армянского языка мы используем не только концептуальную сторону слов в их древнем идеологическом бытовании, т. е. палеонтологически, с их категориями и формами взаимосвязи и т. п., как видели выше, но и саму технику словообразования и выражения грамматического содержания (т. е. категорий). Вообще в языках существует до семи таких формальных способов—сложение двух разнородных корней, повторение корня, придача частиц, перемена места слова (диспозиция), ударение, внутреннее звукоизменение корня (удлинение звука, его перестанов-

¹ Ср. также в своде законов: „кто свободной личности“ (или раба—рабыни ногу (руку) сломает“, где „личность“ (раба, рабыни)“ стоят в вин. п. вместо род. п. (см. у Нг. Code lit., стр. 8—10 и др.).

² Ср. в хурритском: DINGIR^{oc}-nauminivena Hattenivena duruh^hna „бога страны Хатти мужские“ (umini „страна“, duruhhi, мужской“), где -na знак мн. ч., -wi (или we) для род. п.

ка, выпадение, чередование...), а также роль формальных (служебных) слов. Для характеристики морфологического такого генезиса мы естественно должны брать самые распространенные из них, бытующие в одних и тех же специфических проявлениях в армянском и родственных с ним языках.

Возьмем форму сложения из двух разных корней. Армянский применяет этот способ в весьма разнообразных сочетаниях и формах: существительное с существительным, прилагательное с прилагательным, существительное с прилагательным и обратно и т. д. Даже может сочетаться глагол с глаголом, напр., *քննադատել* khnpadatel „критиковать“, из *քննել* khnpel „исследовать“ и из *դատել* datel „судить“, *կշռադատել* ksradatel „взвесить, поразмыслить“ из *կշռել* kšrel „взвесить“ и *դատել* datel „судить“ и т. п. Такие сочетания бывают как через посредство соединительного гласного „а“, подобно русскому языку (с соединительным о, е), так и без них. Мы знаем, что в семитических языках почти нет сложения из двух слов или корней в качестве нового слова. Там целые предложения могут стать как бы новыми словами, в роде, напр., *Sinaxerib* = *Sin axē erib* „Сви (= бог луны) моих братьев умножил“, *Nabu, kudurr-i usur* (Набугодоносор) „Набу, мои пределы сохрани“!, но такие комбинации еще не составляют сложных имен или слов в вышеупомянутом понимании. Грузинский язык ограниченно применяет формы словосложений, которые столь богаты и разнообразны в армянском, персидском, немецком. В армянских сложных словах первый компонент почти всегда служит объяснителем (детерминативом) ко второму, являясь для него дополнением, определением, обстоятельственным словом.¹ Только в таких сложениях, как *հայր և մայր* „отец и мать“, т. е. „родители“, или *աղ և խր* „торговля“ (из *աղ* „бери“ и *խր* „дай“), или *ցիտեցեցեկ* „сутки“ (собств. „ночь-день“) и т. п. имеется как бы качественное равновесие между компонентами. Армянские *composita determinativa* по качеству скорее имеют индоевропейский характер, хотя есть случаи, где первый компонент превалирует по значению над вторым. Так, например, *աչազեղ* ačageł „прекрасноокий“ вместо нормативного *գեղաչեղ* gełaçeղ или *ամառ* amarog „новый год“ и пр. скорее приближаются к хеттскому, грузинскому, но и греческому сложениям. Ср. хеттс. *pittarpalhis* „крылоширокая“ (птица) из *pittar* „крыло“ и *palhis* „широкий“, грузинск. *thvalšavi* „око-черный“ (= черноокий), *phextravali* „ногомногая“ (= многоножка) и пр., но греческий язык также имеет подобное явление, как *metropolis* „матерь-град“ (откуда арм. перевод *mayrakhalakh* „столица“), *philologos* „любящий слово“ (= словолюбец) и пр. Хеттские и грузинские типы приведенных выше сложений считаются не индоевропейскими (см. Joh. Friedrich, *Die heth. Bruchst. d. Gilg.-Eros*, стр. 36). Мне думается, что армянские

¹ Ср., напр., *mardateac* „человеконенавистник“, *sosapuet* „преданный соснам“, *egłeckatesil* „прекрасновидный“, *daštabnak* „в поле проживающий“ и пр.

сложения без соединительного „а“, а их очень много, особенно в диалектах, идут из малоазийского источника. В урартском мне удалось найти пока только одно-два сложения, как gagaḅxubi, что я перевожу через „песчаное поле“ (ср. garbi „песок, камень“? и xubi „поле“), arxi-ugullani „родня“ (из arxi „близ, около“ и ugull „душа“).

Вообще армянское словосложение носит явно разнородный или смешанный характер, как видно из его сравнения с хеттским, грузинским, урартским и индоевропейскими языками.

Если взять редупликацию корнеслова, как способ образования нового слова с усилительным или множественным значением, то армянский язык богато использует этот древний морфологический прием. По количественному и технически дифференцированному разнообразному применению армянский язык особенно приближается к малоазийскому хеттскому. Если, напр., хеттский может повторить самостоятельное слово (как и другие языки), напр. lamtar lamtar (= ?), kišan kišan „это я это“, то армянский кроме голого повторения (ragar-ragar „праздно-препраздно“, те҃с те҃с „много-много“ и пр. применяет и их дифференциацию, т. е. морфологическую, а еще лучше — лексическую диссимиляцию, говоря tapḡ tḡpḡ „мелкий-мелкий“, aḡkhow phaḡkhow „славно-преславно“ (от phaḡkh „слава“) в пр. Но армянское удвоение, иногда через соединительное гласное, выступает и как одно сложное слово с одним ударением и с разнообразными звуковыми изменениями либо в первой части, либо во второй. Напр., имеем phoḡphoḡel „раскапывать“ (от phoḡel „копать“), jaḡjaḡel „сокрушать“ (от jaḡel — id.), khaḡkhaḡut „каменистый“ (от khaḡ „камень“) и пр., но и vazvzel „побежать, разбежаться“ (от vazel „бежать“), khaḡkhaḡsel „затягивать“ (от khaḡsel „тянуть“), mazmzuk „ворсинки, волосинки“ (от maz „волос“) и пр., но и haslamest „толстый-претолстый“ (от hast „твердый, толстый“), ḡoḡmog „льстивый“, хаулабел „пестрый-препестрый“ (от хаул „пятно“), но и haḡlhaḡthel „раздобывать“, yandzandzel „печься, заботиться“, хабебау „обманщик“ (от хабел „обмануть“) и пр., но и rhaḡhagim „вождедю“, rapanzim „умолкаю“ и т. д., и т. п. Ср. в хеттском вариации: partipartiskizi „щиплет“ (ср. арм. pherth „кусок“), hulhulavag „рассечение, поражение“ (от hul- „поразить“), laḡlahiskavap „мы идем в поход“ (от laḡa- „поход“), но имеем и с выпадением согласного — ḡandandatar (с суф.-atar) „забота“ (ср. арм. yandz-andz-em с тем же корнем и значением), vevak- „просить“ (от простого vek- с тем же значением), metal „мука“ (от корня tal- „молоть“), kuk-kurḡ- „отрезать“, rapḡtat „загрязнение“ (rapḡtizi „загрязняет“, rapḡganza „загрязненный“, ср. арм. phaḡ-phuḡ „пена, накипь“) и т. п. В урартском имеются: хаḡхаḡsubi „я разрушил“ (от несохранившегося простого хаḡḡ-), turḡturiaḡini, что Сейс переводил через „повстанцев“ (вин. п. мн. ч.).

Грузинский язык, как и индоевропейские, мало применяет редупликацию. Среди индоевропейских некоторые (индоиранские, греческий и латинский) повторяют при перфекте глагольный корень,

как лат. *tomordi* „я укусил“ (от *mordeo* „кусаю“), *teligi* „я коснулся“ (от *tingo* „касаюсь“), *cucurri* „я побежал“ (от *cugio* „бегаю“), греч. *pepaideuka* „я воспитал“ (от *paideuo* „воспитываю“), *leloira* „я оставил“ (от *leiro* „оставляю“) и пр. Древне-армянский сохранил такую же форму от глагола агпет „делаю“—*agagi* „я сделал“ с повторением корня аг- „делать“.

В общем определенно можно сказать, что по количеству и типам редупликации армянский язык, как древний, так и особенно новый (с диалектами), явно тяготеет к азианическим языкам, судя по богатому свидетельству этого морфологического явления в хеттском и сравнительно более редком применении в грузинском и индоевропейских.¹

Если же учесть, наконец, роль и значение частиц в качестве сравнительно-лингвистического морфологического фактора для определения генезиса армянского языка, то одно выступает определенно: армянские частицы склонения и спряжения, как и местоименные, по характеру своего суффиксирования более приближаются к хеттскому и урартскому, в смысле агглютинации. Это явление особенно сильно в новоармянских диалектах: ср., напр., араратское *təp-pə-ner-im-s* „в наших домах“, подобно турецкому *ev-ləl-lmiz-da*. В хеттском и урартском, подобно армянскому, при склонении и спряжении приставляются флексии только с конца. В грузинском же, как и в семитических, бывают также „предфлексии“ спряжения. Напр., груз. *v-ag* „есмя“, *x-ag* „еси“ (но *ag-s* „есть“), *mlnda* „хочу“ (собств. „мне хочется“), *ginda* „хочешь“ (собств. „тебе хочется“), *ip-da* „хочет“ („ему хочется“) и т. п., подобно как имеем в аккадском (ассиро-вавилонском) языке—*akšud* „я завоевал“, *lakšud* „ты завоевал“, *ikšud* „он завоевал“ и пр. Я уже говорил о суффиксировании местоименных частиц в армянских и азианических именах, что отсутствует в грузинском. Но в агглютинации специальной морфемы для множественности наблюдаем армяно-грузинские общности: ср. арм. *govem* „хвалю“, *govemkh* „хвалим“, подобно груз. *v-akheb* „хвалю“—*vakhebth* „хвалим“, где арм. *-kh* для множественности эквивалентен груз. *-th*. Армянское *kh* агглютинируется и в склонении: *am* „год“—*amkh* „годы“, *amaw* „годом“ (твор. пад.)—*amawkh* „годами“ и пр. Подобное же явление есть и в ново-груз. и ново-арм. в склонении, причем для множественности приставляется у армян *-eg* (*-per*), а у грузин *-ebi*, а флексии склонения остаются те же, как это имеется, напр., и в урало-алтайских языках. Следовательно, если по характеру флектирования армянский приближается к азианическим, не отделяясь и от индоевропейских, то по агглютинации частиц множествен-

¹ Бедность редупликации в индоевропейских отмечается многими лингвистами. См. общий очерк о редупликации в труде проф. М. Немировского „Удвоение как архиарханческий способ слово- и формообразования“, изд. в „Трудах каб. Н. Марра“. № 1 (127).

ного числа он приближается к грузинскому, отдаляясь от последнего применением в спряжении только флексий с конца. Я привожу только общее в роли частиц словоотношения, не давая конкретных парадигмов армянского, малоазийского и грузинского склонения и спряжения.

Считаю также излишним остановиться на роли частиц словообразования, ибо эти частицы отчасти перечисляются ниже, если они имеют для нас генетическое значение. Здесь разве можно подчеркнуть только то, что словообразовательные частицы (аффиксы) в армянском более приставляются к концу, чем к началу слова. Я и в этом усматриваю влияние азиатических языков, тогда как в индоевропейских существует как бы равенство в применении суффиксов и префиксов. Вспомним это признание бедности префиксов арм. языка у арменистов-грекофилов, введших искусственно в древнеармянский язык много префиксов, продолжающих частично бытовать и поныне.

Считаю неважным для генезиса армянского языка останавливаться на морфологическом факторе армянского ударения, которое, как экспираторное, во-первых, играет мало роли, в противоположность индоевропейским языкам, а во-вторых, качество и роль ударения в азиатических языках пока мало поддается определению. Морфологический же фактор звукоизменения армянского слова еще недостаточно изучен и по-моему большого пока генетического значения не имеет.

Если подытожить все данные техники армянского словообразования и словоотношения (т. е. выражения грамматических функций слова), то приходится сказать, что эти формальные возможности или способы со своими вариациями и разнородными проявлениями носят определенно смешанный характер в своем генетическом содержании и истоках. А все это вместе с другими данными подобного характера еще раз свидетельствует о превалировании азиатического лингвистического субстрата в армянском языке.

3. Языковой материал (звуки, корни, частицы)

З в у к и

Звуки, как и звуковые или, точнее, произносительные навыки, даже в родственных языках могут довольно сильно различаться между собой. Но если звуки одного языка в своих качественно-физиологических и количественных (длительных) сторонах в древности имели тот же близкий или одинаковый характер, что видим и в древнем родственном или соседнем языке, имевшем с первым языком и другие общезыковые элементы, то можно уже утверждать, что сродный фонетический феномен этих двух языков имеет не случайное

значение, а скорее генетическо-историческое. Например, армянский язык широко использует аффрикаты ts (ժ), ts (ծ), ths (չ), ths (ղ), dz (ճ), что столь характерно также для кавказских и отчасти семитических древних языков, но в индоевропейских древних языках они отсутствуют, не говоря уже об их пресловутом „праязыке“. Несомненно, что армянский язык при формировании своего консонантизма, особенно в отношении названных аффрикатов, имел благоприятную почву не только в окружающих кавказских (грузинских) и семитических языках, но и азианических, чья клинописная графика к несчастью не дает нам возможности точно определить тонкости произношения этих сложных согласных.

Затем мы знаем, что армянский язык в своей исконной (не заимствованной) части не имеет слов с начальным г (ր) или ʔ (և), если не считать слова ղղձիկը *gungp* „ноздря“, возможно взятого с греч. *gūphos* (Id.). Но подобное же явление было свойственно также всем азианическим языкам, а именно — хеттскому, хурритскому, урартскому, ликийскому, лидийскому и этрусскому, тогда как индоевропейские, кавказские (напр., грузинский) и семитические языки имеют очень много природных корней или слов с этим начальным сонантом г. При заимствовании слов с этим начальным г армяне к началу прибавляли гласную а или е, напр., сумерское *gōda* „руда“ через иранцев перешло к армянам в форме *agoyr* (արգր) „латунь, бронза“, индийское *ragh* — „быстрый“ стало в армянском *arag* или *erag* и т. п.

Кроме того армянский язык избегал стечения двух согласных звуков в начале слова, за исключением *sp, st, sk, śp, śt, śk* и прочих подобных комплексов с начальным *s* или *ś*. Потому иранское *xšāθra* „имение“ стало у армян *ašxarh* „страна“ с протетическим *a*, или, напр., из индоевропейского **trasu-* „слеза“ (греч. *lakrū*, лат. *lacrima*, нем. *Trahle* и пр.) получилось арм. *artasu-kh* (при им. п. ед. ч. *artawsr*), из индоевр. *bhrater получилось арм. *elbayr* или *albayr*, из индоевроп. *bhrewr (ср. греч. *phrewar*) получилось арм. *albewr* „ключ, источник“ и пр. Даже имя фригийского верховного бога *Sawazios* через его позднюю форму *Swaz(los)* перешло к армянам с начальным протетическим „а“ в виде *astuac* „бог“, где „t“ вставной новый звук.¹ Избеганием накопления согласных, хотя бы двух, в начале слова армянский язык скорее приближается к азианическим или семитическим, чем к индоевропейским или кавказским. Из последних грузин-

¹ В армянском имеются протетичные а или е (> i) также в словах *arag* „мужей“ (род. п. мн. ч.) из основы *apar-*; *atam* „зуб“, *apin* „имя“, *in* (из *en) „девятнадцать“, *ast* (р. п. *aste*) „звезда“ и др., чему вторит и греческий язык в формах *anēr* „муж“ (фриг. *apar*), *odontos* (осн. *odont-*) „зуб“, *opota* „имя“, *ennea* „девять“, *aster* „звезда“. Ср. также армянские *anōthi* || *pōthi* „патошак“, *anōsr* || *pōsr* „редкий, не тесный“ и пр. Индоевр. *paṛ* „муж, самец“, в хеттском представлен с протетичным *i* (= *ipaṛ*), что есть и имя бога, перешедшее к индийцам в виде *indra* (у хурритов *In-dara*).

ский весьма широко прибегает к накоплению согласных (до пяти) в начале слова.

Таким образом и звуковой феномен армянского языка с его артикуляционными навыками определенно тяготеет к малоазийскому (азианнческому) языковому субстрату.

Частицы

Частицы армянского языка, как словообразовательные (аффиксы), так и словоотносительные (флексии), генетически весьма смешаны: здесь сильны и как бы уравновешены как частицы индоевропейского происхождения, так и азианнического.

Индоевропейские частицы

- mn*, напр., *getmn* „руно“, *ǰetmn* „жар“, *sermn* „семя“ и пр. из и.-е. *-*mn* (—*men*); ср. рус. -мя (пламя, семя...), лат. -*men* и гр.-і, в прилагательных свойства, напр., *ali* „соленый“, *erkathi* „железный“, (от *erkath* „железо“), *ǰri* „водянистый“ (от *ǰir* „вода“) и пр. из и.-е. *-*iyu*.
- ust* || -*est* || -*ist* в производных *phax-ust* „берство“, *hag-ust* „одежда“, *agu-est* „искусство“, *ut-est* „питание“, *hang-ist* „покой“ и пр. ср. рус. -ость (юность, милость...) и хеттс. -*asti* (*dalugasti* „длина“, *palǰasti* „ширина“).
- wn* в производных *awiwn* „порыв“, *ardiwn* „плод работы“..., *goǰiwn* „крик“, *mecuthiwn* „величие“, *harstuthiwn* „богатство, династия“ и пр.
- wor*, напр., *thagawor* „царь“ (собств. „венденосец“), *ziruor* „ратник“ (собств. „вооруженный“), *alewor* „седой“ и пр., хотя некоторые армяны склонны это -*wor* считать иранским.
- tau* в провинциальных словах: *samptau*, *bnatay*, *samkotēn*, *ceratēn* и пр., обозначающих упряжи разных мест у телеги. Здесь -*tau* значило „связь, нить, упряжь“ (ср. также др.-арм. *sametikh*) и встречается в других индоевр. языках (см. Hübschmann, *Arm. Gramm.*, стр. 488).
- awl* в причастных-прилагательных *sp-awl* (= *spōl*) „родитель“, *grawl* (= *grōl*) „пишущий, писатель“ и др. из индоевр.-*atl*, для чего ср. рус. -(а)тель (создатель, податель...) и хеттс. -*atallas* (напр. *ǰalugatallas* „посланец, вестник“). Но так как славянский суффикс может быть и -итель (напр. носитель и пр.) и -етель (свидетель и пр.), сообразно с тематической гласной формы настоящего времени (создать, подать, водить, носить, видеть...), то армянская форма на -*awl* из -*atl* более близка по огласовке с хеттс. -*atall* (*as*).
- an-* обыкновенный отрицательный префикс, напр. *antun* „бездомный“ и пр. = рус. не-, лат. *in-*, греч. *a-* (из *n*) и пр.
- i-* отрицательный префикс, в *i-kaŕ* „бессильный“, *i-has* „недозревший“, *i-geŕ* „некрасивый“, *i-dzew* „бесформенный“ и пр., где арм. *i-*

- (=tā- из lu-) соответствует индоевр. *du-* (ср. напр. санскр. *du-*, *dur-*, авест. *duš-*, *duž-*), напр. авест. *dušmanah* „злоумышленный“ = санскр. *durmanas*), греч. *dūs-* (напр. *dūsmeñēs*), готс. *tuz-* (напр. *tuzvērjan* „сомневаться“) и пр. Армянские *dž-* (*džgoh*, *dzbaxt...*) и *tz-* (*tž-goyn* „бесцветный“) являются заимствованными из иранского.
- b* как флексия для твор. п., напр. *awur-b* „днем“, *dster-b* „дочерью“, *andzam-b* „личностью, лично“ и пр. получилось из индоевр. *-*bhi(o)*.
  - s* флексия вин. п. мн. ч. (*get-s* „реки“, *mkun-s* „мышей“ и пр.), получившаяся из индоевр. *-*ns*.
  - s* флексия местного пад. мн. ч., внешне не отличается от предыдущей, но разного происхождения, и получилась из индоевр. *-*su* (слав. -хъ).
  - m* в дат. падеже (*s-ma* или *aus-m* „этому“ и пр.), что я сравниваю с рус. *се-му*, *ко-му*, *че-му...*, ср. также фриг. *se-tup* „этому“.
  - m* в спряжении первого лица наст. вр. (напр. *grem* „пишу“, *bazmtm* „восседаю“, *erham* „иду“, *lnum* „наполняю“, готс. „существую“), что есть во многих индоевр. языках.
  - s* в спряжении второго лица наст. вр. (напр. *gres* „лишешь“, *bazmtis* „восседаешь“ и пр.), что только и наличествует во втором лице всех индоевропейских глаголов.
  - y* в спряжении третьего лица наст. времени (напр. *gre-y* > *grē* „пишет“, *karday* „читает“, *go-y* „существует“), что могло образоваться либо из индоевр. *-ti*, либо же скорее получиться из хеттского *-i* (-*y*), напр. хетт. *vaštaī* „грешит, совершает преступление“, *rai* „дает“, *išrantī* „возлияет“ *lakī* „выбьет“ (зуб) и пр., хотя хеттский имеет и флексию *-zi* из индоевр. *-ti*.
  - n* флексия 3 л. мн. ч. (*ta-n* „дают“, *gre-n* „пишут“ и пр.), возможно получилась из индоевр. *-nt*, как арм. слово *hup* „брод“ получилось из **ropnto-* „мост“, т. е. конечное арм. *-n* из старого *-nt*, но такая же флексия 3 лица мн. ч. есть и в грузинском (напр. *agian* „суть“, *stven* „ткнут“, *xadian* „зовут“ и пр.). Жалко, что неизвестна флексия 3 л. мн. ч. в настоящем времени хурритского и урартского языков.
  - ç* для темы (основы) прошедшего времени, напр. *kardaçl* „я прочел“, *greçl* „я написал“ и пр., чему соответствует индоевр. *-s* (=слав. *x*): *дах* (=я дал), *писах* (=я написал) и пр.
  - ç* для будущего времени, напр. *içet* „буду“, *taç* „я дам“, *greioç* „долженствующий писать или быть написанным“ и пр. из индоевр. *-*sk*.
  - l* для инфинитива и причастия прош. времени, напр. *grēl* „писать“ *greal* „написанный“, что находит соответствие только в славянском (неслъ, читалъ ...) из общего *-*lo*
  - l* (=dž) для 2 л. буд. вр. повелительного наклонения, напр. *teslir* „увидишь“, *teslirkh* „увидите“ и пр., что получилось из индоевр. *-dh(i)*; ср. слав. *виждь*, (=смотри), гр. *keklūthi* „услышь“ и пр.

e- аугмент в 3 л. ед. ч. прош. вр. совершен. вида (etes „он увидел“, eber „он принес“...), что есть в греческом (é-phere = арм. eber) и в арийских (=санскритс. abharat он „принес“).

Частицы индоевропейского происхождения едва ли превышают три десятка. Но в армянском можно найти столько же частиц, если не более, которые по своему генезису сближаются с азиантическими языками, будь эти частицы для словообразования или для выражения грамматических функций.

Азиантические частицы

-uni, напр. в родовых фамилиях Bagratuni, Arctuni, Saharuni и пр., как и в нарицательных словах (прилагательных) areguni „солнечный“ (сторона), rahuni „сохраняемый“ (на зиму), viruni „дикий“ и пр., сохраненных в диалектах. Ср. урартские Velikuni (при однородном Velikuxi), Etiuni (при однородном Etiuxi), как названия районов в Закавказье, или урартское имя города Arctununt как конфедерата Урарту, что сохранилось у армян в форме Arctuni (с диссимилиацией первого „п“). Ср. также груз. -ани (Dadiani, Dadeşkelianl...).

-el, напр. hamel „вкусный“ (от ham „вкус“), zōgeł „сильный“ (от zōg „сила“) и пр.

-elēn, напр. kapačelēn „зеленое“ (=зелье), hrelēn „огненный“, mardkelēn „человеческий“ и пр., где -elēn есть сложение из предыдущего -el и нового суффикса -ēn, самостоятельно не представленного (ср. следующее -arēn || -erēn). Суффикс -el вышел из старого -il (ср. фонетически арм. Nelos = Нил, Varseł = Василий, Selbestros = Сильвестр и пр.), а этот суффикс -ll есть и в хеттском, урартском, грузинском.

-arēn || -erēn, напр. уnarēn „по-гречески“, činarēn „по-китайски“, rhoxarēn „взамен“, hayerēn „по-армянски“ и пр., где это -arēn или -erēn несомненно есть сложный суффикс из -ar (или -er) и -ēn, входящего и в вышеназванный сложный суф. -elēn. Первая часть -ar или -er суффикса -arēn || -erēn мне представляется окаменелым древним азиано-кавказским суффиксом происхождения, подобно русскому -ский (и -ски: по-русски, по-армянски...), что имеется в мегрельском языке, напр. odişari „одишец“, olthişari „олтисец“, opizari „опизец“, somxithari „житель Сомхита“ (т. е. армянин) и пр., где -ari есть лазо-мегрельский эквивалент груз. -eli (по Н. Марру). Ср. также хеттское -lli, напр. ḫattilli „по-хеттски“ (= протохеттс. ḫatterli, ḫurilli „по хурритски“, luilli „по-лувийски“, palaumpill „по-палайски“ (по-балайски) и пр.¹

-arim || -erim в таких производных как hawatarim „доверенный,

¹ Название городе ḫattarina (в хурритских текстах) я объясняю из ḫattari „хаттец, т. е. хеттит“ с суф. -ar(i) и суф. -ina.

- верный*, mterim „интимный, единомышленный“ и т. п. от hawat „вера“ и miš „мысль“. Здесь наличествует также сложный суффикс из -ag, или -eg, о чем сказано выше, и суф. -im.
- ič || -uč** (-իճ || -ուճ) напр. в kawič „мел“ (от kaw „глина“), karič „скорпион“..., parkič „шелуха, гильза“, thalkič „комочек волос от чесания“, arhuč „мяч“ и т. п. Суф. -ič || -uč очень часто применяется в хеттском языке для имен сосудов и приборов (šrantuzzi „сосуд для возлияния“, iškuzzi „клубок“, kattaluzzi „порог“, dupruzzi „таблица“ и пр.) и урартском (ср. armuzi „род, фамилия“).
- aci** || **eci** напр. khałakhasi „городской, гражданин“, քաղաքացի „крестьянин“, собственно сельчанин), kołbači „кольпский“, Хоренаси „Хоренский“, vapesi „ванец“ и пр. Ср. лийское surlezi „сирийский“, лидийское spartazi „спартанский, спартаец“ и пр.
- awh** (= -ōh) в отглагольных именах ktrōn „отрез“, gorgōn „фактор“, krčōn „объедки“ и пр. (от ktrēl „резать“, gorgel „действовать“, krčel „жевать“). Есть -ōh и в производных собственных именах, места, напр., Bawōn, Tagōn, Aramōnkh („Арамус“), šaharōnkh „Шахбуз“ и пр., что несомненно из урартского (ср. урартск. Тагаиш=арм. Тагōн и др.).
- iw** в отглагольных именах erkiwī „боязнь“ (от глагола erkīim „боюсь, страшусь“), əndziwī „отросток, отпрыск, ветка“ (от əndziim „исторгаюсь, отрастаю, произрастаю“ или от ənciim „исторгаю лучи“). Ср. хеттское -ul (-iul) в производных wašlul „проступок, вина“ (от √ vašt- „повредить, совершить преступление“), takšul „соглашение“, „договор“ (от i/takš- „связать, соединять“), iškūl „союз“ (от i/iškū- „связать“) и пр. В хеттском -ul (-iul) имеет долгое ū в им. п. ед. ч.
- z-** усилительный* префикс в глаголах, напр. zgetnem „повалить наземь“, zkset „загрызть“ и пр., что существует и в урартском языке, напр. dubī „я сделал“, по zadubī „я построил“, asgubī „я помучил“, по zašgubī „я убил“ и пр.
- oyth** напр. в zauroyth „гнев, досада“, bloyth „природное свойство, характер“, hasoyth „достижение, добыча, стяжание, доход“ и пр. Это арм. -oyth, что в безударном своем состоянии произносится -uth, я сравниваю с семитическим -uth, напр. аккадское šarr-uth-и „царствование“ от šarr-и „царь“ и т. п.
- ap-** „на, над, для“. Этот арм. префикс малоупотребителен, хотя диалекты больше сохранили. Имеются напр. ap-kołin „постель“ (от kol „ребро, бок“), andzeroç или andzeroçik „салфетка“ (собств. „для рук“), диалектические ap-bahi „надзаступник“ (предмет, надеваемый на заступ для давления ногой), apołi „ремень, одеваемый на животное сзади“ (от „зад“) и пр. Это ap- есть в семитических языках: напр. в аккадском (ассиро-вавилонском) предлог апа с существительным дает значение дательного падежа (dativus commodi), напр. апа Abimarda „для Абимарды“

- (=Абимарде). Обыкновенно апа переводят через „на, к, для“ (pach, zu, für). Но есть и префикс апа- в индоевропейских (ср. греч. апа- „вверх, по, посредством“, готское апа- — нем. ап „близь, над“, санскр. апа- и др.).
- in* в отыменных прилагательных *vegin* „верхний“, *storin* „нижний“, *aphoġin* „безземельный“, *anhnarin* „невозможный“ и пр. Ср. урартское *-ini* (=in-), напр. *Xaldini* „халдов, Халдин“, *Meluatini* „менуев“, *Alzini* (имя страны) от простого *Alzi* и пр.
- ayin* в отыменных прилагательных отношения или притяжательности, напр. *dašayin* „полевой“, *erknayin* „небесный“ и пр. (от *dašt* „поле“, *erkin* „небо“). Это самый распространенный суффикс, подобно *-akan* (заимствован из иранского), и несомненно состоит из предыдущего *-in* с соединительным „а“ (срединное „у“ новый звук).
- ig* в немногочисленных отглагольных прилагательных *thaphur* „оставленный, пустой“ (от *thaphen*), *lesur-kh* „стертые места“ (от волн) от *lesum* „растираю, изнашиваю“ и пр., что видим и в урартских причастиях *ušturi* „пришедший (с походом)“, *mapu-ri* (= ?), *takuri* (= ?), *sidaurt* „сделанный“ (?) и пр. В ассирийском переводном тексте с урартского и подобных оборотах также имеется причастная форма.
- aw* в собственных именах места: *Ordnaw* („червивый“), *Ksaw* („известняковый“), *Dziraw* („с кореньями“) и пр.; ср. грузинские *Thelawi* (от *thela* „карагач“), *Curtavi* (ср. арм. *çird, crdi* вид куста), *Partawi* („тополистый“?) и др.
- al-i* для отыменных прилагательных обилия: *hiwthali* „сочный“ (от *hiwth* „сок“), *šnorhali* „благодатный“ (от *šnorh* „благодать“), *karotali* „желанный“ (от *karōt* „желание, нужда“), *ġəgali* „жидкий“ (от *ġur* „вода“) и пр., ср. от хеттс. *gīnu* „милость“ прил. *gīnzualaš* „милостивый“, *irmalaš* „больной“ от основы *irm-*.¹
- vi* в наречиях для мн. числа *-ačvi* „глаза“, *otwi* „ноги“, *dzeriv* „руки“ и пр., что принимается некоторыми за древнее окончание двойственного числа, но ср. грузинское *-ebi*, что теперь служит для обыкновенного множественного числа.
- ç* есть флексия для род., дат. и исходного падежей мн. числа в древне-армянском языке. Ср. ту же функцию груз. *-th* (*kaçtha* „людей, людям“), как на это указывал еще Н. Марр. Для фонетического же соотношения груз. *th* — арм. *ç* (*g*) я бы привел пример груз. *thixa* „грязь“ и арм. *çex* (*g h/w*). Индоевропейцы это арм. *ç* хотят вывести из индоевр. суффикса *-sk* (ср. рус. *-ский*, нем. *sk* > *š*, скандин. *sk*, румынск. *-sk* и пр.).

¹ Ср. также хеттс. *spanġuzialas* „возлияющий“ (жрец) от *spanġuzzi* „возлияние“. В арм. есть и другие суффиксы обилия, напр. *-ot* (*kharot* „каменистый“), *-avçit* (*holavçit*), *-e*}, (*çġre*}) и пр.; суф. *-awāt* я считаю иранским, ср. др. иранс. *-awaitt* (женс. р.) при *-awand* (для муж. р.), что также заимствовано армянами (ср. *bar-z rawand*, *darawand*).

- с в современных северных диалектах употребляется для исходного падежа: *khałakhiç* „из города“, *voskuç* „из золота“ и т. п. Это ново-армянское -с я сравниваю с груз. -ith(a), что в древности имело и значение исходного падежа, а позже только творительного падежа (ср. др.-груз. *khalakitha khalakhad* „из города в город“). Ср. также -it в хеттском склонении имел для творительного падежа.
- г употребляется в глаголах, как флексия второго лица: *tur* „дай“, *dir* „клади“, *tur* „услышь“, *teser* „ты увидел“, *tesar* „ты был увиден“ и пр. Ср. урартс.¹ *turti* „разбей“ (при *tulle* „разобьет“).
- ut в именах разных насаждений; *carut* (от *car* „дерево“), *thəphut* „кустарник“, *ełewnut* „ельняк“, *Thełut* (ср. груз. *Theławi*) от *theli* „карагач, вяз“, *Urut* („ивняк“) от *uri* „ива“ и пр.
- eni в именах растений, напр. *thəzeni* „фикус“, *əpkuzeni* „ореховое дерево“, но и в обыкновенных словах—*hayreni* „отцовский“, *maureneni* „материнский“ и др.
- ni или -ani для множ. числа: *awaganı* „старшие“, т. е. знать, *kapanı* „женщины“ (но и „гарем“), *žornı* (диал.) „платья“ и пр. Ср. также собственные имена мест *Bəni*, *Parnı*, *Mułni*, *Pətəlnı* и пр. Суф. -ni для мн. ч. есть и в грузинском (*igini* „они“, *kaçni* „люди“ и пр.).
- kh обыкновенная древнеармянская частица множ. числа, напр. *am* „год“—*amkh* „годы“, *amaw* „годом“—*amawkh* „годами“, *utem* „ем“—*utemkh* „едим“ и т. д. Зарегистрировано в древнейших именах мест этнического происхождения как *Taohoi*, *Karduxoi* и пр., что дословно значит „тайцы“, „кардуйцы“.
- ear > -er частица множественного числа, особенно в современных диалектах. Имеются др.-арм. *ōrear* „господа, знать“, *berdear* „крепости“, *vapear* „монастыри“, *hardziknear* „подушки“ и пр. В новоармянском -er в односложных словах, а -per в многосложных (в средне-армянском -er). Есть в кавказских „г“ как примета множественности: в сванском звучит -ar или -ag. Есть также в этрусском (-ar || -er)
- ti для множ. числа собирательного значения. Ср. др.-арм. *mankti* „детвора“, *phoroti* „внутренность“, *oskroti* „кости“, но еще более применяется в современных наречиях—*axpertinkh* „братья“, *khuertinkh* „сестры“, *kənktkh* „женщины“ и т. п.
- aw флексия 3 л. ед. ч. прошедшего совершенного времени стра-

¹ В формуле проклятия Келишинской двуязычной (ассирийско-урартской) надписи урартских царей Менуи и Ишпуина ассирийское выражение *alik xipi* „иди разбей“ заменено урартским эквивалентным *uli turti* (=ul tur), причем *turti* (в других местах *tu-ti-e*) есть повелительная форма с -r (-re) и образована от корня *tu-* „разбить“, наличного и в форме настоящего-будущего времени *tu-li-e* (=tule) „разобьет“ той же формулы проклятия („кто разобьет эту надпись...“). См. статью *A. Götze*, „Zur Kelischin Stele“, напечатанную в *Zeitschrift für Assyriologie (ZA)*, V, 1929, стр. 122–123.

дательного и среднего залогов: *tesaw* „он был увиден“, *çogaw* „он ушел“, *koreaw* „он пропал“ и т. п. Ср. урартское *-abi* для 3 л. ед. ч. для непереходных глаголов (для переходных будет *-up*): *uštabi* или *uštabe* „он пошел походом“, *pipabi* „он пришел“ и пр., а урартское „b“ почти всегда предлежит в арм. „w“ (ср. *Vialpa*=арм. *Van*, *ebani*=арм. *awan*, *abill* „прибавление“=арм. *awel* „больше“ и т. п.).

- а- глагольная тема для средних глаголов. Напр. *zgam* „чувствую“, *gnam* или *ertham* „ухожу“, *mesanam* „величиваюсь“, *phokhranam* „уменьшаюсь...“, в звукоподражательных *təkəkəl*, *təzəzəl*, *xəzəzəl* и т. п. И сейчас еще чувствуется среднее (не активное) значение этой тематической гласной „a“ в противопоставлениях — *thəvel* „считать“, но *thəval* „казаться“, *səxel* „курить“, но *səxal* „дымиться“ и пр. В урартском „a“ является такой же темой для средних глаголов, напр. *teru-* „класть“, но *tera(1)-* „быть положенным“ (см. А. Götze, „Zur Keltischin Stete“, ZA, V. 1929, стр. 115).

В этой эскизной работе не место, конечно, разбирать генетическую сторону всех частиц армянского языка, древнего и современных диалектов. Не всегда также можно дать точные корреспонденции в других сравниваемых языках — индоевропейских или азианических. Во всяком случае мной здесь приведено большинство таких частиц, будь они словообразовательного порядка или грамматического (функционального), и этот краткий обзор отнюдь не говорит в пользу генетического превосходства индоевропейских частиц над азианическими. Конечно, есть частицы как позднего образования, так и частицы искони местные („хайасские“), стоящие особняком и не находящие корреспондируемых двойников в соседних или родственных языках, что вполне естественно.

Корнеслов

Еще более характерна генетическая сторона армянского корнеслова в том отношении, что здесь *количество точно установленных слов индоевропейского происхождения составляет не более десяти процентов. Следовательно вся остальная масса заимствованных слов, которые в большинстве несомненно исконно армянские, должны* считаться местными азианическими по происхождению. А ведь исследовался только тот корнеслов, который наличествует в письменных памятниках, начиная с пятого века нашей эры, и следовательно многотысячная лексика наших живых наречий не принята в расчет. При учете и этого последнего обстоятельства, т. е. при прибавлении и диалектных армянских корней, отсутствующих в письменных документах, количество общеармянского лексикона неиндоевропейского происхождения еще более увеличится.

По „Корневому словарю“ Р. Ачаряна в армянской древней

литературе употреблено 10772 корнеслова, из которых 713 индоевропейского происхождения (слов 909), 4016 заимствованные слова, 152 звукоподражательного характера, которые естественно в генетический учет не принимаются, 123 слова (корня) искажены или неверны, и следовательно остается 5572 корнеслова, происхождение которых неизвестно. Часть их по мнению Ачаряна должна быть заимствована армянами у урартцев (халдов).¹

Еще за тридцать лет до начала печатания первого тома (всего семь) вышеназванного сводно-этимологического труда Ачаряна в 1897 г. в Лейпциге появилась такая же работа известного ираниста и арменоведа Гюбшмана (Hübshmann) под названием „Armenische Grammatik“ (т. 1), где дается в алфавитном порядке происхождение собственных и нарицательных слов, заимствованных армянами у иранцев (персов), сирийцев, греков, арабов и др., а также помещается (в конце) список тех нарицательных армянских корней, которые учеными предположительно считались за индоевропейские. Почтенный ученый, руководствуясь точной и весьма строгой методологией в сравнительно-лингвистическом анализе языковых фактов, в том числе корнеслова, приходит к тому выводу, что из помещаемых в этой „Грамматике“ 428 армянских слов лишь около 298 можно считать индоевропейским, и то многие из них с большой натяжкой и оговорками. Часть этих этимологий принадлежит самому Гюбшману.

Не лишне будет, быть может, здесь перечислить наиболее точные из всех этих индоевропейских корней армянского языка:

Aganım „одеваюсь“ и аганім „остаюсь на ночлег“ (оба из √ aw-); ał-kh „волна, седина“; асет „привожу“; асих (аси) „уголь“; акп „глаз“; аł „соль“; аłам „мелю“; аłbewг „источник“; аłиēs „лиса“; ам „год“; амагп „лето“; амб-оłı „весь“; амēп „всякий“; амıс „месяц“; амр „небо“; ауł „другой“; аус „коза“; ауг (в основе аган-с из агар-) „мужчина“; аут „щека“ (ауłпum „пухну“); аугет „жгу“; аус „искание“; ап- „не-, без-“; dr-andi „дверной косяк“; апканім „падаю“; ап-klwп „угол“; andzuk „узкий“; апип „имя“; апиг „ключица“; агпет „делаю“; агпum „беру“; агу „ручей“; асетп „игла“; астł „звезда“; асг „руно“; атамп „зуб“; аїеат „ненавижу“; агōг „плуг“; арбанеак „помощник, слуга“; арбенат „напиваюсь, пью“; аргелум „отвожу, запрещаю“; ард „сейчас“; ард „украшение“; агев „солнце“ (заим. с индийского?); арłwп „кровь“; арсатһ „серебро“(?); арсіw „орел“; армукп „локоть“; арł „медведь“; артōсг (основа артасу-) „слеза“; аwсанет „мажу“; аwдз „змея“; аwг (осн. аwг-у-) „день“(?); √ba — „баять, говорить“ (ср. бау, бап „слово“); бардзг (осн. бардзу-) „высокий“; бекапет „ломаю“; берет „приношу“; буc „ягненок“; бусанет „питаю“; гап „побой“; гагп „ягненок“; гарун „весна“(?); гелум „кручу“; гелдз-кһ „железы“; гелмп „руно“; гет „река“; гін „цена“; гїсер „вечер“; гїтем „знаю“; гїлем „катаю“; гом „существую“; горс „дело“; гтанет (√ глt-) „нахожу“; даł или дауł „первое сваренное молоко“; далар „мягкий, свежий“; дарбп „кузнец“; дедewłm „колеблюсь“; дїзанет (√ дез-) „нагромождаю“; дпем (√ дї-) „кладу“; ду „ты“; дурп

¹ См. Р. Ачарян, История армянского языка, ч. I, 1940 г., Ереван, стр. 185.

„дверь“; dustr „дочь“; durgn „гончарное колесо“ (заим. ?); ekn „он пришел“; elbayr „брат“; elewni „ель“; eln „олень“; em „есмь“; erg „песня“; erek „вечер“; ere-kh „три“; erēs „старший“; erkan „жернова“; ew „и“; ewthn „семь“; ephem „я варю“; z-genum „надеваю“; z-erç „отстраненный“; әnderkh „лоно“; thandzr (осн. thandzu-) „густой“; tharamim „вяну, сохну“; iž „ехидна“; indz „барс“; inn „девять“; lam „плачу“ (?); lavn „широкий“; landž „грудь“; law „хороший“ (?), leard „печень“; lezu „язык“; li „полный“; lizem „лижу“; loganam „моюсь, купаюсь“; loys „свет“; lu „блоха“; lu (lsem) „слух“; luanam „мою“; luc „ярмо“; lucanem „отвяживаю, разрешаю, растворяю“; lusan „рысь“; luçanem „сжигаю“; lkhanem (√ likh-) „оставляю“; calr (осн. calu-) „смех“; can-ezu „я узнал“; ser „старый“; ctn „рождение“; spawt „челюсть“; cupr „колени“; ciř „кривой“; kalin „жолудь“; keam „живу“; keř „опухоль“ (?); ker „еда“; kin „жена, женщина“; klanem „проглатываю“; kogi „молочное“ и kow „корова“; ku „навоз“; křunk „журвалль“; hayr „отец“; han (hani) „бабушка“; handart „спокойный“; hast „твердый“; harkanem „ударяю“ (?); harsn „невеста“; haçi „ясень“; haw „птица“; haw „дед“; hepum „опираю(сь)“; her „строптивый“; heri „далекий“; het „след, дорога“; heriwn „шило“; heru „прошлый год“; hin „старый“; hing „пять“; hoviw „пастух“; hot „запах“; hum „не сваренный“; hun „брод“; hur „огонь“; dzalk „побой (прутьями)“; dzern „рука“; dzeř „зад“; dziwn „снег“; dzukn „рыба“ (?); malet „мельчаю“; mah „смерть“; malthem „молю“; mayr „мать“; manr (осн. manu-) „мелкий“; mard „человек“; mec „большой“; mel- „вина“; melk „слабый, мягкий“; melr (осн. melu-) „мед“; meranim „умираю“; merdz „близь“; meğ „мгла“; mež „моча“; mej „середина, между“; mi „один“; miř „не“; mts „мясо“; miř „мысль“; mnam „остаюсь, жду“; mozi „бычок“; mofanam „забываю“; mukn „мышь“; mundž „немой“; mrdžlwn „муравей“; mawru-kh „борода“; yafnem (√ art-) „встаю“; yoraу „отчим“; yisun „пятьдесят“; heard „нерв“; nel „стрела“; niř „сидение“; nor „новый“; nu „невестка“; žun „собака“; o || ov „кто“; ozni „еж“; olb „воплъ“; olj „целый, здоровый“; of „задница“; oskr „кость“; ost „ветвь“; otn „нога“; orb „сирота“; orcam „рыгаю“; ordz „самец, мужское яйцо“; uth „восемь“; unayn „пустой, тщеславный“; upkn „ухо“; us „плечо“; usanim „учусь“; utem „ем“; çor-kh „четыре“; çu „движение, переселение“; dzernum (džer, džermn) „греюсь“; dziř „жила“; řungn „ноздря“; samell-kh „упряжь“; sarn „лед“; sастem „принуждаю, застрашиваю“; sar „вершина“; siřeřn „горох“ (?); siřt „сердце“; siwn „столб“; sin „пустой“; sxal „ошибка“; skesur „свекровь“; sun „пища“; sut „неправда, ложь“; spas „ожидание“; stanam „раздобываю“; steřn „палка, отпрыск“; sterj „бесплодный“; stln „грудь“ (у женщин); stvar „толстый“; srun-kh „кра“; sphrem „расстилаю“; ver „над, верх“; veç „шесть“; tam „даю“; taygr „деверь“; tasp „десять“; tesanem „вижу“; tewem „длюсь“; tiw „день“; tun „дом“; çelum „разрываю“; çtr „рассеянный“; çilm „разрезаюсь“; phoyth „снешка“; khařçr (осн. khařçu-) „сладкий“; kham „сколь“; khar „четыре“; khirtn „пот“; khoyr „сестра“; khun „сон“; khsan „двадцать“.

Многие даже из этих корней вызывают большие возражения, и потому много поставлено под вопросом, а многие даже здесь не приведены. Напр. marmln „тело“ имеет корреспонденцию в санск. marmana „обнаженная часть тела“, или arew „солнце“, соответствующая санск. rawi и т. п. У меня есть данные, что многие арм. слова, как arag „быстрый“, arew „солнце“, indz „барс“, dziř „лошадь“,

տաղմիս „тело“, еրց „песня“ и пр. заимствованы у древнемалоазийских индийских племен, у которых многое переняли и хуро-митаннийцы (напр. имена богов) и даже хетты, не говоря даже о таких сложных, словах как у хеттов aikawartana „однократный“, rapšawartana „пятикратный“, satlavartana „семикратный“ и др. Эти заимствования в хеттских текстах отмечаются маленьким клином (или двумя), поставленными к началу слова. Между прочим индийские слова армянского языка не находятся в иранских языках, ни в древних, ни в современных, что также говорит в пользу независимого заимствования древними малоазийскими (и в частности армянским) языками многих индийских слов в самой Малой Азии, у самих индусских племен. С такой же легкостью возводят к индоевропейскому „праязыку“ такие слова как арм. ցոցն „ноздря“ (только во мн. ч. ցոցոց) и греч. ῥίλχος, „арм. Ժըցն „конечное колесо“ — греч. τροχός (и древне-ирландск. droch), арм. մոշի „бычек“ и греч. μόσχον (от μόσχος) и т. п., тогда как здесь может быть только перенимание или распространение (ср. также греч. κοσμος „построение, вселенная“ и арм. կազմ „состав“). Если же получаются такие лексические встречи, как, напр., арм. իշ „клешук“ и нем. Zecke (англ. tike, tick), то тут опять-таки нечего сразу возводить к праязыку. Это подобие могло быть и случайным, тем более, что опосредствующих примеров в других языках мы не имеем. Совсем несерьезно звучит и ставка на праязык, когда, напр., арм. ճի „лошадь“ вместе с санскр. हाया (лошадь) должны вывести из* ǵʰei-. чтоб получить „праязычное состояние“, тогда как лошадь там звучала *ekʷo—, имея корреспонденции в лат. equus, греч. ἵππος, авест. aspō, санс. अश्वा и др.

Я уверен, что к тремстам индоевропейским корням армянского языка впоследствии могло быть придано еще приблизительно сто или сто пятьдесят, но не более, и следовательно максимум не должно превышать 450 индоевропейских корней. Ачарян это число доводит до 713, уклоняясь в анализе предлагаемых учеными этимологий армянских слов от строгой методики Гюбшмана. Конечно, если стать на плоскость преднамеренности и не очень считаться с фонетическими закономерностями и семасиологией, то число армянских корней „индоевропейского происхождения“ можно довести не только до 713, но более, а ведь это составит ¹, общего количества корней и.-е. праязыка (по двухтомному словарю Walde-Pokorny их насчитывается до 2223). Оставляя к другому месту ¹ подробную критику индоевропейских этимологий армянского корнеслова в после-гюбшмановский период, я здесь еще раз хочу подчеркнуть, что какие-нибудь четыре или даже пять сотен индоевропейских армянских корней в общей массе 5572 незаимствованных древнеармянских слов составляют менее десяти процентов, а это отнюдь не характеризует

¹ Это составит один из отделов подготавливаемого мною „Древнего периода истории армянского языка“.

генетическое качество армянского лексикона в пользу претенциозной индоевропейстики, столь мешающей своей предвзятостью и „благородством происхождения“ чистой науке. Я уж не говорю о том, что к генетически невыясненным 5572 словам древнеписьменного армянского языка нужно придать еще несколько тысяч новоармянского лексического материала из наречий, качество которого отнюдь не говорит в пользу индоевропейского генетического источника. А это обстоятельство должно снизить количественное наличие индоевропейского лексического элемента вероятно до пяти процентов всех армянских корней, как древних, так и современных вместе взятых. Конечно, нужно учитывать возможность заимствованных слов или корней, что пока невозможно выделить при наличной известности языков древней Малой Азии и Урарту. Если не считать влияния семитических языков, что приблизительно выяснено (сирийских слов 133 по Гюбшману, ассиро-вавилонских до 70)¹, также как и иранизмы (до 1400 слов), то остается учитывать заимствования в более древний период за счет малоазийских и урартских языков. Но тут встает вопрос: а почему они должны находиться вне чисто армянского лексического арсенала? Ведь племена и их группировки не только менялись, но и смешивались, а затем эти племенные группировки перерастали в этносы, т. е. народы (народности) уже с классовыми прослойками и отношениями по месту (а не происхождению или роду), по оседлости. Этно-качественное перерождение и распространение армян, начиная с их древнейшего домена Хайасы четырнадцатого века до нашей эры (таково мое мнение) и завершение этого процесса к 7—3 векам естественно вело за собой и языковое оформление, ибо господствующая языковая единица хайев не могла не подвергаться изменению и обогащению за счет поглощаемых других языков территории исторической Армении. В этой плоскости я и рассматривал хеттизмы армянского языка. В моих работах „*Chetto-armeniaca*“ и „Хеттские боги у армян“ я доказываю наличие по крайней мере одной сотни хеттских слов (корней) и грамматических форм в армянском. Невозможно их счесть за голое заимствование, особенно словообразовательные и словоотносительные морфемы (ср., напр., окончание исходного падежа хеттских местоимений для мн. ч., на *ēpza*, как *zimēpza* „от вас“, *arēpza* „от них“, и древнеармянское — *էնջ* — *ēpj* в той же функции как — *tēpj* „от нас“, *dzēpj* „от вас“). То же самое нужно взять в отношении других языков, как известных (напр. официального языка Урарту), так и неизвестных (напр. языка пала или бала), которые вошли в армянский языковой организм как лексически, так и грамматически. Стремление доискаться до первичных языковых пластов какого-то племени или рода, что считалось бы чисто армянским первичным

¹ См. „Ассиро-вавилонские слова армянского языка, напечатанные мною в „Известиях“ № 3—4 Академии Наук Арм. ССР за 1945 г.

этническим и языковым ферментом, мне представляется совершенно невозможным, ненужным, и я бы сказал, совершенно не научным. Такого пуританизма за два-три тысячелетия до н. э. нельзя искать, да и самых армян не было.

Если взять языковой материал хеттов и урартцев, то исходя из того, что из наличных тысячи хеттских корней или слов в армянском есть до сотни, а из наличных урартских четырехсот слов или корней в армянском их имеется до 20—25 (см. мою работу „История Урарту“), можно сделать заключение, что вообще до 10% хеттских и урартских слов или корней вошло в армянский язык, а ведь живых таких слов было тысячи. Официально надписи хеттских или урартских царей носят большей частью трафаретный характер и могут нам дать только приблизительное представление о богатстве этих языков. Ведь, если принять наличное количество слов скажем в три-четыре тысячи, то в армянском должно оказаться до 300—400 хеттских и столько же, если не более, урартских слов, а ведь это количество приближается к числу индоевропейских корней (400—450). Так почему же характерными для решения вопроса о генезисе армянского языка считать только эти индоевропейские корни и формы. Часто говорят, что армянские термины родственных отношений (*raġpopotisa*), как и армянские числительные (*numeralia*) индоевропейского происхождения, а это мол служит доказательством возобладания индоевропейского начала в формировании языка и народа армян. Но тут забывают, что если такие термины как отец, мать, брат, сестра, деверь, золовка, невеста и др. индоевропейского происхождения, другие термины азиатские, напр. *per* (жены двух братьев в отношении друг друга), что есть, напр., в ликийском (переводят предположительно „сестра“) и ничего общего не имеет с лат. *panitrix* и пр. Ср. также неиндоевропейские — *gb7 cel* „род, племя“, что я сравниваю с утийским *çil* „семья, потомство“, есть *z-argm* (*q-wp-d*) „поколение“, что есть в урартском *argmuzi*; *aner* „тесть“, *zokhanç* „теща“, *kheri* „дядя (по матери)“, *thorn* „внук“, *tharathothk* „челядь“, что несомненно урартского происхождения (ср. ур. *thaga* „много“ и *tauthuxi* „толпа“?), *par* „дед“, *tat* „бабушка“ и т. д. Здесь не место останавливаться на всем этом, но если, напр., в числительных действительно превалирует индоевропейское влияние, то тут могут быть специфические причины, нам неизвестные (между прочим *hariwr* „сто“ кавказского происхождения, как выяснил Н. Мэпп, а *hazar* „1000“ и *biwr* „10.000“ взяты из иранского).

В вопросе выяснения генезиса армянского языка нужно исходить из состояния его генетических элементов, как они есть, будь это формально-техническая, фонетическая или же лексическая и морфологическая стороны. Все это в совокупности только и может определенно решить генетическое содержание исследуемого нами языка, дать его качественное состояние уже в древнее время в период формирования армянского народа на месте своей истори-

ческой родины. Таков был мой подход, и в этом отношении первоначальное критическое отношение Н. Марра к генетическому состоянию армянского языка, что он рассматривал как бы равномерно смешанное (индоевропейско-яфетическое) целое, во многом мне помогало в точной постановке и оценке генетического существа нашего языка, особенно когда впоследствии были выявлены большие языковые материалы, благодаря раскопкам в Малой Азии. Систематическое изучение этих малоазийских и урартского языковых материалов, как и критический подход к „ура индоевропейизму“ наших и европейских арменистов, заставляет меня определенно сказать, что *армянский язык вышел из малоазийского „азианического“ по терминологии П. Кречмера языкового субстрата, с первичным бытованием где-то между хеттским, хурро-урартским и грузинским этническим миром и языками.* Индоевропейский же слой армянского языка, установившийся преимущественно в связи быть может с киммеро-скифскими, кельтскими (галатским), ахейским (греческим) вторжениями, есть побочный, хотя и важный генетический вклад, что, конечно, не исключает влияний и других индоевропейцев (греков, фригийцев и др.). Наконец этнологический тип армян также малоазийский (арменоид¹), не говоря уже о том, что древнейшие имена божеств и демонов также тяготеют к этому же культурному миру (ср. божества Ага, Тогkh, Мазан, Неріт, Сіwаl, Тһерlі и др.).

Прав был в свое время известный индоевропеист и арменист А. Мейе (A. Meillet), когда в конце своего исследования сравнительной грамматики древне-армянского языка в 1903 году говорил: „Но вообще, фонетическая и морфологическая система армянского языка глубоко отличается от той же системы индоевропейского языка“.¹ Я здесь мог бы прибавить, что лексическая сторона армянского языка еще более подтверждает это критическое заключение А. Мейе. Правда, этот крупный представитель социологического направления в лингвистике не всегда был точен и постоянен в генетическом окрещении армянского языка, называя его формой развития индоевропейского праязыка, подобно латинскому, греческому и другим (см. напр. его „Введение“ в сравнительное изучение индоевропейских языков²), но доля правды не могла ускользнуть от его пытливого взгляда.

Армянский язык, в основе азианический, не мог избежать сложной истории своего народа. Его языковое целое имеет для нас не только лингвистическое значение, но и историческое: многочисленные его факты, как живые свидетельства и поныне, дают большой материал по изучению древнейшей культуры Малой Азии и особен-

¹ „Mais dans l'ensemble, le système phonétique et morphologique de l'arménien est profondément distinct de celui de l'indo-européen“ (см. его „Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique“, Vienne, 1903, стр. 111).

но ее языков. Культурным и языковым субстратом армян была восточная часть этого полуострова в живом общении не только с хеттами, журритами и др., но и с культурными семитами, имевшими торговые фактории в самой Малой Азии (в Каппадокии). История армянского языка с его генезисом не может быть хорошо понята и обоснована без учета исторических событий и обстановки, начиная с половины второго тысячелетия до нашей эры. Но об этой стороне вопроса в связи с „царством „Хайаса“ у меня будет сказано особо.